

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ФОНОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ

Евтушенко С. В., доктор философских наук,
канд. искусствоведения, профессор

Харьковский государственный университет искусств
им. И.П.Котляревского

Аннотация. Реконструкция непроясненных генеалогико-«частных» и историко-бытовых аспектов украинского прошлого (первая половина XVIII столетия) как перспективного фактографического обоснования для искусствоведческой атрибуции раритетного «Покрова», связанного провенансом с Миргородом.

Ключевые слова: иконография, атрибуция, фоновые признаки, «Покров».

Анотація. Євтушенко С. В. Щодо проблематики фонових історичних ознак мистецтвознавчої атрибуції. Реконструкція нез'ясованих генеалогічно-«приватних» та історико-побутових аспектів українського минулого (перша половина XVIII сторіччя) як перспективного фактографічного обґрунтування щодо мистецтвознавчої атрибуції раритетної «Покрови», пов'язаної провенансом з Миргородом.

Ключові слова: іконографія, атрибуція, фонові ознаки, «Покрова».

Annotation. Yevtushenko S. V. To problematics of background historical attributes of art criticism's attribution. Reconstruction of unknown aspects of Ukrainian historical "household" and genealogical, "private" aspects of Ukrainian past – of first half of XVIII century – as perspective factual substantiation for art criticism's attribution of rare "Intercession" whose provenance is connected with Mirgorod.

Keywords: iconography, attribution, background attributes, "Intercession".

Постановка проблемы. Практически всегда для решения «чисто» художественных проблем атрибуционного характера не бывает достаточно только искусствоведческих квалификации и профессиональной подготовки. Развязка головоломных атрибуционных «пазлов» оказывается возможной лишь при опоре на детальное знание истории, причем отнюдь не

фундаментальной, теоретизирующей, но «фоновой», «вероятностно-статистической» – костюмно-бытовой, генеалогической, истории нравов, причесок, практических религиозных верований и т.д., – говоря условно, истории «фольклорной» во всех ее ипостасях. Но эта «чисто человеческая» история в отличие от истории человечества зачастую оказывается утраченной, а методика восстановления ее забытых страниц – едва ли разработанной. В силу этого искусствоведческий поиск транспонируется в комплексно-историко-бытовой (на оптимальности терминологии не настаиваем). Нижеследующее – пример подобной атрибуционной разработки.

Анализ последних исследований и публикаций. Автору данной статьи не известны печатные источники по проблематике атрибуционного раскрытия более чем любопытного «Покрова», происходящего из Миргорода. Об этом памятнике вскользь упоминает в монографии «Пошуки. Знахідки. Відкриття» (К., 2004) К. Скалацкий и скорее факультативно композиция прокомментирована в трех публикациях автора этих строк [16, с. 110; 5, с. 64; 6, с. 35–37; 7, с. 28–32].

Цель публикации – комплексная (историко-бытовая) реконструкция непроявленного эпизода фамильной «истории» Апостолов, как предполагаемых инициаторов упомянутого «Покрова» и иконографически сближенной с ним происходящей из села Портянки на Миргородчине композиции на такой же сюжет.

Результаты исследования. Как упоминалось, возникновение «Покрова», который будем именовать далее *миргородским* (ибо провенансом он связан с одной из не существующих ныне миргородских церквей [5, с. 64]), соотносим с семейством Апостолов, наиболее известный представитель которого – Даниил Павлович – официально считался в 1727–34 гг. гетманом Малороссии. Предполагая *миргородский* раритет своего рода мемориальным посвящением одному из его сыновей (Павлу) и соответственно пытаюсь фактографически обосновать это гипотетическое допущение, мы столкнулись с досадной скудостью и неоднозначностью наличной биографической информации о Павле Даниловиче. В контексте разысканий, спровоцировавшем гипотезу, приоритетным моментом «персональной» эпопеи П. Д. Апостола выступают действительно необыденные обстоятельства его кончины. Между тем единственный из известных нам авторов, располагавший уточняющей ее информацией, – авторитетный знаток «малороссийской старины» А. М. Лазаревский (его информацию повторяет в своем фундаментальном «Малороссийском родословнике» В. Л. Модзалевский¹ [11, т. 1, с. 8]), приводит две различные ее даты: 20 июля и 14 июня 1736 года. Неизменным при этом остается, что смерть гетманского сына была обусловлена участием (по долгу службы) в военных действиях на Крымском полуострове: «В 1735 г. граф Остерман (тогдашний де-факто руководитель внешней и внутренней политики России. – С.Е.), указывая в письме к [турецкому] великому визирию ряд нарушений со стороны

Порты мирных условий, просил высылки уполномоченных на границу для устранения недоразумений. Уполномоченные не были высланы, и Россия сочла условия мира нарушенными. Тогда началась война», императрицей Анной, «несмотря на успехи русской армии под начальством Миниха», достаточно скоро, даже «преждевременно» оконченная [19, с. 129]. Непосредственно тот этап военных действий, что оказался трагическим для П. Д. Апостола, согласно «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Ефрона, «начался ранней весной 1736 г. Армия [российской стороны] была разделена на две части: главной назначено [было] спуститься по Днепру и занять Крым; другой же части – идти от Изюма к Азову»; поначалу крымская кампания (в ней и участвовал Апостол) складывалась удачно: «Опрокидывая дорогой толпы татар, русские 28 мая дошли до Перекопа и 1 июня взяли его штурмом. ... Миних вступил в Крым и дошел до Бахчисарая, предавая все огню и мечу»; затем «однако полное изнурение войск от непривычного климата и всякого рода лишений заставило его уже 17 июля вернуться в Перекоп... 28 августа войска наши (то есть российские. – С.Е.), разорив перекопские укрепления, выступили в обратный поход и 27 сентября [1736-го] прибыли в Самару» [19, с. 139].

Июльская дата смерти П. Апостола приводится А. М. Лазаревским в 1875 г. на страницах «Русского архива», где указано, что Павел Данилович после своей женитьбы «через три года (20 июля 1736) убит в Крыму»; при этом Лазаревский уточняет: «Современник говорит: „была баталия под горами, над речкою, под городом, где побито з гармат нечаянно (?) мирг. полк. Апостол”» [12, с. 95] (к сожалению, имя «современника» исследователь не раскрывает). И тот же Лазаревский (не сомневаемся, что за инициалами «А.Л.» скрывается именно он) указывает в заметке, опубликованной в 1883 г. в «Киевской старине», что никак не позднее 1882 г. (но, вероятно, и не ранее 1875-го) найденная «в сулиминском архиве небольшая „кроничка”, обнимающая время от 1640 до 1762 [года]»², под годом 1736-м содержит следующее известие: «Полковник миргородский Павел Апостол не дошел Козлева, в Атане (?)³ июня 5 пушкою ранен, отчего тогож юня 14 и умер» [1, с. 680, 681]. Поскольку «июньская» дата восходит к рукописному источнику, составленному, весьма вероятно, около 1762 года, именно ее логично считать

¹ В. Л. Модзалевский, констатируя, что Павел Апостол был «убит 20 июля 1736 г. в Крыму», в примечании к этому дополнительно информирует: «По словам одной „кронички” (Киевская Старина) 1883., мар., с. 681) он, не дошед Козлева, в Атане (?) июня 5 пушкою ранен, отчего тогож юня 14 и умер (1736 г.)» [11, т. 1, с. 8].

² «Нашли мы еще в сулиминском архиве небольшую „кроничку”, обнимающую время от 1640 до 1762»; в примечании «А.Л.» делает ссылку: „Киевская Старина” 1882 г., ноябрь» [1, с. 680].

³ Идентифицировать это татарское или же искаженное татарское название по-видимому населенного пункта на Крымском полуострове пока не удастся. Можно предположить, что под Атаном подразумевался населенный пункт Биюк-Акташ, располагавшийся недалеко от Евпатории (северо-западнее), память о местонахождении которого сохранили дореволюционные карты Крымского полуострова.

(в отсутствие данных о свидетельствовавшем в пользу «июльской» даты «современнике») наиболее ранним документальным свидетельством.

Подчеркнем, что в известиях по поводу «июльской» и «июньской» кончины Павла Апостола по сути идентичны ремарки о том, что место трагедии располагалось близ некоего города: по версии 1882-83 (1762?) гг., смерть настигла миргородского полковника на подступах к Козлеву, «в Атане»; по версии 1875 года, роковая «баталія» приключилась также «под городом» (но одновременно и «под горами, над речкою»). Из цитированного явствует, что резонно принять за истинное город или даже город на реке, соседствующий с горами. Кроме того, в известиях о кончине, опубликованных в 1875 и 1882-83 гг., не расходятся, симптоматично *совпадая*, указания, что в последнем для Апостола сражении участвовала вражеская артиллерия, из-за действий которой он и пострадал. Иначе говоря, ссылки на город и артиллерийский обстрел выглядят достоверными.

В XVIII столетии Козлевым обитатели Российской империи именовали Евпаторию – «город... на берегу небольшого открытого залива Черного моря и вместе с тем у зап[адного] угла большого соленого озера *Сасык*, по-русски – *Гнилое*»; в Козлев (Козлов) «было переименовано русскими Татарское название города *Гёзлев*», но «по присоединении Крыма к России в 1784 г. Гёзлев был переименован в Е[впаторию]»⁴ [4, с. 423]. К слову, упоминание «кроничкой» отмененного в 1784-м старинного названия Евпатории укрепляет доверие к возникновению этого документа в недрах собственно XVIII столетия (иными словами, до 1784 года?). Взятие Евпатории «в 1736 г. ... русскими войсками гр. Миниха», – факт, разумеется, исторически неопровержимый [4, с. 423]. Но могла ли случиться в июле 1736-го кончина Павла Апостола? Ведь, согласно свидетельству С. М. Соловьева (относящемуся к середине XIX ст.), покидая Крым, российское «войско достигло Перекопи», – то есть возвратилось в Перекоп⁵ после спешно осуществленного броска вглубь Крымского полуострова – непосредственно 6 июля 1736 года, иными словами, за полмесяца до предполагаемой «июльской кончины» Павла Даниловича... [18, стб. 1345] Дела не меняет даже то, что в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона возвращение российских войск в Перекоп датируется только 17 июля 1736-го⁶ [19, с. 139], ибо в любом случае оказывается, что погибнуть в Крыму 20 июля Павел Апостол вряд ли мог (кстати, одиннадцатидневное расхождение датировки Соловьева и датировки фундаментального «Энциклопедического словаря», по-видимому, резонно объяснять использованием разных систем летосчисления: у С. М. Соловьева – традиционной для дореволюционной Российской империи *юлианской*, у автора «Энциклопедического словаря» – *григорианской*). Тем более что июльская версия его кончины («*...была баталія под горами, над речкою, под городом, где побито з гармат нечаянно (?) мирг. полк. Апостол*») намекает, конечно, отнюдь не на Перекоп, но неоспоримо на горы (их не отрицает при этом и «июньская» версия!) [12, с. 95]. Между тем Перекоп

располагается в «сев[ерной] части [Крымского] п[олуостр]ова», представляющей собой «равнину» – «т[ак] н[азываемый] Степной К[рым]»), да и в целом территория Херсонской области умещается, что общеизвестно, «в пределах Причерноморской низм[енности]» [17, с. 661, 1453]. Иначе говоря, маловероятно, чтобы вражеское орудие поразило Павла Даниловича близ Перекопа (будь то когда российская армия проникала на полуостров через Перекоп, или когда она, – примерно спустя полтора месяца – вновь-таки через Перекоп покидала Крым [18, стб. 1344?–1345]). Коль скоро именно «южная [часть полуострова] занята Крымскими горами», логично предполагать, что кончина настигла гетманича на гористом юге, то есть, несомненно, уже после взятия Перекопа, а, значит, и после 1 июня: этим днем датируют падение Перекопа С. Н. Шубинский (в 1874-м) и ученый автор «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона (в 1901-м); к слову, С. М. Соловьев называет днем, когда «сдалась и самая крепость Перекопская», – вообще 22 мая 1736 года, но Дм. Бантыш-Каменский (приблизительно в 1840-м) – только 1 июля... [15, т. 2, с. 370; 19, с. 139; 18, стб. 1344; 2, ч. 1, с. 187–188]

Так как еще на рубеже XIX–XX вв., по свидетельству ученого современника той эпохи, естественное «орошение [Перекопского] уезда»⁷, которое было «очень скудно», обеспечивалось «рекой Салгир, наибольшей из крымских рек, [которая протекала] ...только по юго-восточной границе П[ерекопского] уезда», и «впадающим в Черное море близ П[ерекопского] перешейка» Чатырлыком, согласно тому же очевидцу, являвшим собою «не что иное, как простую балку, большую часть года совершенно лишенную воды», – правомерно заключить, что П. Апостол вряд ли мог угодить под роковой пушечный обстрел существенно севернее «юго-восточной границы П[ерекопского] уезда» [14, с. 218].

Подчеркнем, что сразу же за известием, касающимся П. Д. Апостола, который «не дошел Козлева, в Атане (?) юня 5 пушкою ранен, отчего тогож юня 14 и умер», помещено в «„кроничке”» из «сулиминского архива» иное известие: «Полковник переяславский Томара там-же в Крыму, под рекою Алтою, порубан татарами» [1, с. 681]. Из чего уместно заключить, что гибель Томары случилась после смерти гетманича. Когда же именно скончался Томара, можно судить по фрагменту официального источника (составленного, надо полагать, непосредственно в XVIII ст.), исчисляющему

⁴ «...В память города, построенного некогда близ Инкермана полководцем Митридата Евпатора» [4, с. 423].

⁵ «Перекоп, город – уездный город Таврической губернии, на перешейке соединяющем Крымский полуостров с материком. Название свое получил от рва, которым татары перекопали перешеек, чтобы затруднить доступ неприятеля к своей крепости Ферх-Кермен или Ор-Капи, как называли ее турки. Эта крепость (нынешний П[ерекоп]) была взята фельдмаршалом Минихом в 1736 г., затем вторично в 1738 г. фельдмаршалом Ласси, приказавшим взорвать укрепления и срыть большую часть вала» [14, с. 217].

⁶ «Полное изнурение войск... заставило... уже 17 июля вернуться в Перекоп» [19, с. 139].

⁷ «Поверхность» которого на рубеже XIX–XX вв. представляла собой «ровную, слегка приподнятую к югу степь, лишенную не только лесов, но даже кустарников» [14, с. 218].

служебные заслуги И. Р. Романовича (1694-1777) (сохраняя орфографию оригинала, цитируем по тексту «Малороссийского родословника» В.Л. Модзалевского): «...Во время атаки и бомбандирования Крымского Перекопу командирован он [Романович] и в шанцах денно и ночью под неугасимую пушечною палбою был и по верноприсяжной должности не шадя живота своего действовал, також при главном сражении з яничари и татары под городом Банцикарем (?) (нет сомнений, что подразумевается Бахчисарай. – С.Е.) и во время разорения в партии з бывшим тогда наказним полковником Переясловским Тамарою и под огнем (?) оружием и пушечною палбою в нападении неприятельском находился...» [11, т. 4, с. 324, 322, 327]. То есть, до момента «главного сражения» под Бахчисараем Томара был жив и даже соучаствовал в «разорении» Бахчисарая. Косвенным подтверждением данного вывода выступает то обстоятельство, что под фигурирующей в сообщении о гибели Томары «рекой Алтой» едва ли не безальтернативно следует подразумевать реку Алму (в иных источниках – *Альма*), протекающую по территории Крымского полуострова несколько севернее места расположения Бахчисарая. Поскольку Алма, согласно картографическим данным, несет свои воды южнее бывшего Козлева (то есть Евпатории), в своеобразном, как уже отмечалось, «преддверии» Бахчисарая, к «разорению» коего «в партии» с Романовичем, как утверждают, был причастен и Томара, – последний мог погибнуть «под рекою Алтою» уже после оставления российскими войсками ранее захваченного ими Бахчисарая, то есть не ранее 17 июня 1736 года или же вскоре после 17 июня, когда врагом на российские войска, по свидетельству С. М. Соловьева, было совершено «два самых сильных нападения... у Бакчисарая» [18, стб. 1344].

Однако если полковник Томара был убит при отступлении российской армии, – скончавшийся до его гибели Павел Апостол должен был умереть несомненно в период российского наступления, ибо смерть его имела место существенно севернее территорий, по которым протекает Алма... Если бы мы допустили обратное, – то есть что Павел Данилович погиб во время российского отступления (из глубины поначалу завоеванного русскими полуострова в направлении остававшегося в их тылу Перекопа), – то каким бы образом фатальный для Томары бой мог происходить на берегах Алмы, русло которой пролегает значительно южнее Евпатории (Козлева)? А, следовательно, роковое несчастье с Апостолом должно было приключиться в ходе русского наступления на полуостров, не только до взятия Бахчисарая, но и до момента полного взятия Козлева, в который, согласно С. М. Соловьеву, русские вошли 5 июня⁸ [18, стб. 1344].

Таким образом, верификация двух конфликтующих свидетельств о кончине Павла Апостола приводит к заключению, что «июльская» версия

⁸ В этот день российское «войско приблизилось к Козлову, и гренадеры с частью артиллерии, также половина Донских и Запорожских казаков отправлены были для изгнания из города неприятеля; но город уже был оставлен гарнизоном и жителями» [18, стб. 1344].

малодостоверна, «июньская» же, напротив, вполне правдоподобна. Важно, что кончина Павла Даниловича, – согласно «июньской» версии, – припала на совершенно особенный день: 50-й по православной пасхе, которая в 1736 году совпала с 25 апреля. Ближайший по времени из подобных и особо редких случаев максимально поздней пасхи имел место только в 1641 году! А после 1736-го и до настоящего момента православная пасха еще ни разу не приходилась на 25 апреля, и в такой день должна будет отмечаться лишь в 2078 году. Следовательно, благодаря уникальному стечению обстоятельств, смерть младшего сына Даниила Апостола, пришедшаяся «на день понеділковій при Безначальной Троице» (используем оборот Л. Полуботка из цитируемого ниже фрагмента его послания В. Кочубею [9, с. 25]), не могла не представляться его современникам весьма знаменательным событием. Так, в свое время Леонтий Полуботок, уведомившись о внезапной кончине гетманича Семена Самойловича, писал Василию Кочубею: «Нашому тоє нещастю приписати належить, але щастю его Велможности (т.е. гетманского сына. – С.Е.), Которой въ неделю Сошествія Святаго Духа, на день понеділковій при Безначальной Троице, до Бога въ Троици Единого зъ своимъ въ небо спешилъ поклономъ» [9, с. 25]. Кстати, поскольку Семен Иванович скончался в 1685-м, очевидно, что его смерть должна была прийтись – в контексте цитированного – на 8 июня (день празднования Федора Стратилата и поминания царя Феодора Алексеевича), ибо «1-ю неделю по Пятдесятнице» начинало у православных воскресенье, в которое праздновалась Троица [20, кн. 2, с. 4]. Указанная дата правдоподобна тем более что в полуботковском послании находим и эти слова: «... Отцемъ протопопомъ и всемъ священникомъ въ Переяславлю залецилемъ, аби сорокоуста, за упокоившагося душу зачинали... [что] въ сіє 12 число Іюня зачали» [9, с. 25]. Между тем, исторические источники по-разному датируют кончину гетманича: если Бантыш-Каменский относит ее также к июню (не называя день), то Модзалевский – к 19 мая 1685-го [11, т. 4, с. 478; 3, с. 548; 8, с. 165]. Так что пользуемся возможностью устранить некорректности, связанные в исторической литературе с датировкой кончины Семена Самойловича.

Примечательная деталь состоит в том, что, – по свидетельству Д. Н. Бантыш-Каменского, – согласно обыкновению, и в его времена соблюдавшемуся, если «в России воскресенье зеленой недели называют Троицын день, а понедельник Духов день. – В Малороссии наоборот» [9, с. 594]. Иными словами, «Троицын день» великороссов совпадал с малороссийским «Духовым днем» (приходившимся на «воскресенье зеленой недели»), а великороссийский «Духов день» – оказывался в Малороссии «Троицыным днем», то есть понедельником. И описанная ситуация была обыденностью не только для современников Д. Н. Бантыш-Каменского. Так, составители справочно-статистического издания «Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год» (Полтава, 1865) свидетельствовали: «Троицын день в здешней (т.е. Полтавской. – С.Е.) губернии празднуется на другой день Пятидесятницы» [13, отд. 4 (6), с. 13]. Этому отвечают две констатации

«Памятной книжки»: а) «В день Сошествия Святаго-Духа (в 1865 г. 23 мая)» и б) «В день Св. Троицы (в 1865 году 24 мая)», ибо в 1865 году на 23 мая пришлось именно «великороссийская» троица (или троица в понимании великороссов – «воскресенье зеленой недели») [13, отд. 3, ч. 2, с. 32]. Так что П. Апостол, скончавшийся в 1736-м в «великороссийский» *духов день*, согласно родным для него малороссийским канонам, умер прямо в самый *троицын день*.

Приведем соображения относительно возможных мотивов расхождений двух известий о дате смерти Павла Даниловича. Если 14 июня – как день кончины П. Апостола – в 1736 году отделено от 25 апреля (дня пасхи) «сакральными» для христиан 49-ю днями, то 20 июля отстоит на те же 49 дней от 31 мая, на которое также время от времени приходилась малороссийская троица; в частности, в период 1736–1848 гг. с 31 мая она совпадала в 1753, 1759, 1764 и 1843 гг. И если бы представление о кончине Павла Даниловича, пришедшейся якобы на 20 июля, формировалось в календарных реалиях непосредственно 1753 года, – 20 июля могло бы преобразоваться в «истинную дату» в силу вычислительного алгоритма, оперировавшего двумя, в целом верными, установками относительно смерти Павла Апостола: а) во-первых, что эта кончина сопряжена с троицей, и 2) во-вторых, что случилась она через 49 дней после очень большого христианского праздника. Но если в реальности кончина Павла Даниловича коррелировала с двумя большими праздниками христианского года (отделяясь 49 днями от пасхи и совпадая одновременно с троицей), то в случае 20 июля она могла быть соотнесена – причем избирательно в календарных реалиях 1753, 1759, 1764, 1843 гг. (к тому же исключительно по-малороссийски должен был трактоваться «внутри» них *троицын день*) – лишь с одним праздником – *троицей*, отделяясь от нее «положенными» 49 днями... Великороссийская троица 1753-го совпала с днем поминания Петра Великого (родившегося, как известно, 30 мая). И симптоматично, что троица малороссийская, последовавшая после «омраченной» кончиной Павла Апостола, – пришлось также на поминальный день Петра – на 30 мая 1737 года⁹. Таким образом, представленного в *миргородском* «Покрове» *атипично* безбородого *Царя*, физиономически явно схожего с Петром I, допустимо рассматривать как свидетельство вероятности создания *миргородской* иконы либо в 1737-м, либо в 1753 г.

Год гибели Павла Даниловича был знаменателен еще одним обстоятельством: воскресный день, именуемый у верующих *неделей православия* (первый воскресный для великого поста), по примеру пасхи того же года оказался максимально поздним из возможных (предыдущий подобный случился лишь в 1641 году, а очередной ожидается только в 2078-

⁹ В период от 1736 по 1848 гг. (включительно) «малороссийская» троица пришлось на 30 мая (поминальный день Петра Великого) также в 1748, 1821 и 1832 гг.

¹⁰ Собственно избрание Михаила Федоровича Романова на царство, состоявшееся 21 февраля 1613 года, пришлось именно на премьерное воскресенье Великого поста [10, (отд. 1), с. 26]. Таким образом в 1736 году первое воскресенье Великого поста давало сразу два повода для воспоминаний о начале Романовской династии...

м) и совпал с 14 марта. Между тем, именно 14 марта дал свое согласие венчаться на царство первый из Романовых – Михаил¹⁰.

Выводы. Итак, возможны обоснованные корректировки дат, связанных с фамильными эпопеями двух влиятельных родов, неоспоримо причастных истории Украины (Апостолы и Самойловичи). Эти, несомненно, локальные уточнения могут использоваться как фактографическая опора для дальнейшего атрибуционного раскрытия малоизученных памятников староукраинской живописи.

Перспективы дальнейшего исследования зависят от того, удастся ли подтвердить (иконографической спецификой композиции или мемуарными и иными свидетельствами) состоятельность посылки о символической релевантности для инициаторов *миргородского* «Покрова» образов «державной» (знаменуемой царственным персонажем) и «частной» истории (фамильной; родовой).

Литература:

1. А. Л. Летописные заметки // Киевская старина. – 1883. – Март. – С. 680–682.
2. Бантыш-Каменский Дм. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: В 4-х ч. Ч. 1–2. – М., 1991.
3. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. – К., 1993.
4. Евпатория // *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 11. – СПб., 1893. – С. 423–425.
5. Евтушенко С. В. Аргументы в пользу систематизации // Теорія і практика матеріально-художньої культури. Х наук. конф. – Х., 2008. – С. 63–66.
6. Евтушенко С. В. «Не превращаться в архивариусов фактов»?.. // Традиції та новації у вищ. архіт. худож. освіті. – 2007. – Вип. № 4, 5, 6/2007. – С. 35–37.
7. Евтушенко С. В. О пользе историзма // Вісн. Харк. держ. акад. дизайну і мистецтв: Мистецтвознавство, архітектура. – 2007. – № 8. – С. 28–32.
8. Евтушенко С. В. От Покрова – к Воздвижению. – Х., 2005.
9. Историческое описание коронаций. – М., 1856.
10. Милорадович Г. А. О роде дворян Полуботок. – К., 1870.
11. Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 1, 4. – К., 1908; 1914.
12. Очерки Малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII веках, собираемые... // Русский архив. – 1875. – 1. – С. 91–95.
13. Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год. – Полтава, 1865.
14. Перекоп // *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 23. – СПб., 1898. – С. 217–219.
15. Письма леди Рондо жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. – СПб., 1874.
16. Скалацький К. Пошуки. Знахідки. Відкриття. – К., 2004.
17. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М., 1987.
18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4 (Т. XVI–XX). – 3-е изд. – СПб., Бг.
19. Турецкие войны России // *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 34. – СПб., 1902. – С. 122–159.
20. Хавский П. Месяцословы, календари и святцы, русские, сочинение хронологическое и историческое: В 3 кн. – 2-е изд. – М., 1856. – Кн. 1–3.